

Список использованных источников

1. Антология педагогической мысли: в 3 т. / сост. К. И. Салинова, Г. Б. Корнетов. – Москва: Высшая школа, 1988.
2. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі. Са старажытных часоў да 1917 / пад рэд. А. М. Лазарука [і інш.]. – Мінск: Нар. Асвета, 1985. – 480 с.
3. История педагогики и образования: учеб. пособие для пед. ун-тов, ч. 1.: От зарождения воспитания в первобытном обществе до сер. XVII в. / ред. А. И. Пискунова. – Москва: Творческий центр «Сфера», 1998.

УДК 141.152

КЛАССИЧЕСКИЙ ТИП НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

Мядель А.П., к.ф.н., доц.

*Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Реферат. *Исследуется содержание понятия «научная рациональность», определяются характерные черты и особенности классического типа научной рациональности, раскрывается его роль в формировании механистической картины мира.*

Ключевые слова: рациональность, исторический тип научной рациональности, научная революция, картина мира, объект познания, бессубъектность, теоретико-познавательная рефлексия.

В пределах современного философского дискурса проблема типологии научной рациональности представляется чрезвычайно актуальной. В соответствии с общепринятой периодизацией истории современной науки три стадии ее исторического развития можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации.

В широком смысле слова рациональность – это перманентное обращение к доводам разума и максимальное исключение эмоций, страстей, личных мнений при принятии решений, касающихся судьбы познавательных утверждений. Рациональность научного творчества характеризуется логической и методологической упорядоченностью мышления, регулятивным воздействием на него исторически и социально обусловленных идеалов, норм и стандартов, заложенных в дисциплинарной матрице. Вместе с тем, научная рациональность не исключает присутствия иррациональных моментов, поскольку создание какой-либо окончательной модели научной рациональности невозможно. Сама научная рациональность является своего рода исторически эволюционирующим идеалом, к которому наука стремится, но который в ней никогда не реализуется полностью. Следовательно, научная рациональность – характеристика мышления и деятельности, направленная на обеспечение постижения сущностных связей, характерных для того или иного исторического этапа развития науки и выраженная системой определенных нормативов.

Формирование классического типа научной рациональности связано с научной революцией, которая произошла в физике Нового времени. В конце XVI – первой половине XVII века И. Ньютон, Г. Галилей, И. Кеплер и другие преобразовали аристотелевскую схему мира, господствовавшую в физике Средневековья, и создали научную картину физической реальности механистическую картину мира. Важнейшую роль в ее построении сыграли принцип материального единства мира, принцип причинности и закономерности природных процессов, принципы экспериментального обоснования знания и установка на соединение экспериментального исследования природы с описанием ее законов на языке математики. Обеспечив построение механистической картины мира, эти принципы превратились в ее философско-методологическое обоснование.

Классическая механика выработала свои представления о мире, материи, пространстве и времени, движении и развитии. Она создала новые категории мышления (вещь, свойство,

отношение, элемент, часть, целое, причина, следствие, система), сквозь призму которых сама стала смотреть на мир, описывать и объяснять его. Законам механики приписывалась универсальность. Как и в механических часах, в которых ход одного элемента строго подчинен ходу другого, так и во Вселенной, согласно механистической картине мира, все процессы и явления строго причинно связаны между собой; нет места случайности и все предопределено.

Начиная с XVII века, механистическая картина мира приобрела статус универсальной научной онтологии, начался особый этап истории наук. Механистическая картина мира в эту историческую эпоху функционировала и как естественнонаучная, и как общенаучная картина мира. Обоснованная философскими установками механистического материализма, она задавала ориентиры не только для физиков, но и для ученых, работающих в других областях научного познания. Объяснение истолковывалось как поиск механических причин и субстанций – носителей сил, которые детерминируют наблюдаемые явления. В понимание обоснования включалась идея редукции знания о природе к фундаментальным принципам и представлениям механики. Механистическая картина мира, нормы и идеалы ее построения, легли в основу классического типа научной рациональности, сформировавшегося в естествознании, начиная с XVII века. Через все классическое естествознание проходит идея, согласно которой объективность и предметность научного знания достигается только тогда, когда из описания и объяснения исключается все, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности. Эти процедуры принимались как раз и навсегда данные и неизменные. Главное внимание уделялось поиску очевидных, наглядных, «вытекающих из опыта» онтологических принципов, на базе которых можно строить теории, объясняющие и предсказывающие опытные факты.

По определению В. С. Степина, «классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире» [1, с. 478]. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре научного познания мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций.

Таким образом, в основе классической рациональности лежит императив бессубъектности научного познания: именно объект познания определяет содержание знаний о нем со стороны субъекта познания. В методологии научного исследования императив бессубъектности расщепляется на три составляющие. Во-первых, знание должно быть построено «из объекта», который отграничен от познающего субъекта. Во-вторых, это знание должно быть построено «объективными» средствами – основано на наблюдении, применении количественных методов и т. д. В-третьих, все субъективное должно быть удалено не только из содержания, но и из обоснования знания. Сознание познающего субъекта должно быть предварительно «пустым», не заключать в себе никакого предрассудочного знания о познаваемой реальности: все субъективное должно быть удалено из содержания и обоснования знания.

Достижение объективности научного знания предполагает «вынесение» познающего субъекта за пределы познавательного процесса: познание должно быть независимым от личной позиции, вкусов и предпочтений исследователя. Ученому в этом случае предписывается опираться только на «научное» знание, т. е. на то знание, которое он извлек из эксперимента, почерпнул из научной литературы и профессиональной коммуникации с коллегами. Обыденный опыт («личностное знание»), субъектом которого является любой человек, в том числе и ученый, рассматривается как «ненаучный», лишаящий научное знание объективности. В классическом типе научной рациональности, как отмечает И. Д. Невважай, «чтобы стать субъектом научного познания, человек должен утратить все человеческое в себе и стать бесчеловечным» [2, с. 68].

Классический тип научной рациональности вводит определенную «идеализацию познающего субъекта» в теории познания, задает вполне определенную «онтологию ума» как идеал рациональности, основанный на некоторых неявных допущениях относительно процесса познания и бытия познающего сознания. Классическая идеализация познающего субъекта в его взаимоотношении с объектом познания определяется принципом «абсолютного наблюдателя» («метанаблюдателя»). Субъект познания наделяется статусом суверенности: в идеале он трактуется как дистанцированный от познаваемого объекта, как

бы со стороны обзирающий его, не детерминированный никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик изучаемого объекта. Отсюда и задача познания – описание объектов такими, какие они есть «сами по себе», причем исключительное право подобного «объективного» взгляда принадлежит именно ученому, который в силу своей абсолютной позиции обладает своего рода монополией на истину. Предполагается, что ученый обладает объективным видением благодаря наличию у него единственно-правильного научного метода, который является «ключом к истине», а вопрос о том, насколько сам метод может изменять наблюдаемую картину реальности и чем, кроме соображений целесообразности обусловлен выбор того или иного метода, обычно не ставится.

Таким образом, в классическом типе научной рациональности была сформулирована гносеологическая схема предметности науки, которая, может быть обозначена как «объектно-натуралистическая»: исследовательский разум субъекта наделяется статусом суверенности и рассматривается как отдаленный от познаваемого объекта и не детерминированный никакими предпосылками кроме свойств и характеристик самого изучаемого объекта познания.

Объектно-натуралистическая концепция предметности науки основана на натуралистическом мировоззрении: во-первых, объекты заданы сами по себе и, во-вторых, объекты полностью определены. Натуралистический подход, по мнению Г. П. Щедровицкого, характеризуется:

- противопоставлением субъекта познания уже заданному ему объекту;
- фиксацией сознания исключительно на объекте исследования;
- неотделимостью объекта от знаний о нем.

Ученый, принимающий натуралистический подход, исходит из того, что ему уже дан объект его рассмотрения. При этом знания об объекте, получаемые исследователем, в точности соответствуют самому объекту, потому что средства познания в натуралистическом подходе не анализируются: «Сознание натуралиста в предметно-теоретической форме фиксирует только объект исследования, сосредоточено только на нем» [3, с. 143–154].

Идея предзаданности объекта субъекту познания приводит к пониманию познания исключительно как отражения реальности. В основе классической рациональности лежит постулат об исходной для познавательного акта адекватности познания и бытия, в результате которого «весь познавательный процесс, в том числе и все его конструкты, модели и искусственные элементы, объявляются отражательным результатом, а теория познания – лишь синонимом отражения» [4, с. 75].

Объектно-натуралистическая концепция предметности науки является следствием «естественной установки» разума в классическом типе научной рациональности: непосредственной направленности познания на свой объект, в процессе которого субъект знает о том, что он познает, но не о том, в чем состоит процесс познания как таковой.

Н. Гартман отмечает, что научное сознание является сторонником естественного реализма, т. е. направлено на познание «естественной реальности мира» [5, С.169]. Наука отличается от наивного сознания лишь по способу восприятия реальности (опосредованное, теоретическое видение, отказ от данного, конкретности, наглядности), но не по направленности на объектную реальность предмета познания: «То, что исследует естествознание, суть те же самые вещи, те же самые природные связи, поверхность которых видна и наивному сознанию... Не предмет изменяется здесь, но лишь воззрение на него... Модус бытия предмета в ходе продвижения познания не изменяется... Под вопросом стоит не способ бытия реальности, но лишь ее особое оформление и определенность. Их-то только и следует отыскивать. Естественный реализм, стоящий по эту сторону всякой теоретико-познавательной рефлексии, образует общий базис наивного и научного познания» [5, с. 171].

Список использованных источников

1. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Прогресс – Традиция, 1999. – 572 с.
2. Невважай, И. Д. Наука и метасознание / И. Д. Невважай // Метафизические исследования. Вып. 6. Сознание: альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. – СПб., 1998. – С. 62–75.
3. Щедровицкий, Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системоделятельного подходов // Щедровицкий, Г. П. Избранные труды. – М.:

- Школа культурной политики, 1995. – 800 с.
4. Крымский, С. Б. Истина и мнение // Философские науки. – 1990. – № 10. – С. 73–77.
  5. Гартман, Н. К основоположению онтологии / Н. Гартман. – СПб.: Наука, 2003. – 640 с.

УДК 94(475)

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ВИТЕБСКЕ С КОНЦА XVI ПО XVIII ВЕКА

Рудко Е.А., доц., Бездетко О.С., студ.

*Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Реферат. *В искусстве художественных промыслов, созданном многими поколениями талантливых мастеров и художников, раскрывается художественный талант народа. Сегодня изучение и осмысление опыта, оставленного нам в наследство предыдущими поколениями является необходимым. В данной статье предпринята попытка анализа развития и способа организации ремесленного производства на территории Витебска в период с конца XVI по XVIII века.*

Ключевые слова: ремесла, цеховая организация, статуты, магдебургские предписания, цехмистры, мастера, подмастерья, церковные братства.

Одним из наиболее ярких и сложных этапов в истории Витебска является вторая половина XVI–XVII в. Это время заметного развития производительных сил, роста товарно-денежных отношений. Важное следствие этого процесса – рост городов как центров ремесленного производства и торговли [1, с. 200–205]. В XVI–XVII вв. вокруг них складывались обширные локальные рынки. Создавались корпорации ремесленников для охраны условий труда, изоляции конкурентов, велась борьба за рынки сбыта продукции. Большую часть ремесленников в великокняжеском городе Витебске составляли крепостные крестьяне, бежавшие от гнета феодалов. В то же время, развивающееся товарное производство привлекало и внимание феодалов, стремившихся подчинить его себе, поселяя на городских юридиках своих крепостных, занимавшихся ремеслом. Церковные феодалы поступали так же, как и светские [2, с. 226].

Обслуживание производственных, хозяйственных и личных потребностей населения характеризует городское ремесло как товарное производство. Именно ремесленники формировали городской рынок, образуя специализированные ряды, состоящие из горшечных, соляных, мясных, рыбных и др. лавок. Помимо сбыта ремесленных изделий на местном городском рынке, их вывозили в ближайшие местечки и села, на внешний рынок. Наличие локальных рынков сбыта обеспечивало относительно быстрое развитие сапожного, скорняжного, гончарного, кузнечного ремесел, способствовало росту числа ремесленников этих профессий. Ремесла, изделия которых имели меньший спрос, развивались хуже [2, с. 227].

Быстрому развитию ремесел способствовало создание профессиональных цехов, действовавших по принципу специализации труда. Первоначально ремесленные объединения в Витебске назывались «братствами» [3, с. 108].

Цехи возникли в городах ВКЛ значительно позднее, чем в Западной и Центральной Европе. Если в Италии первые цехи стали появляться в IX–X вв., во Франции – в XI в., в Англии и Германии – в XII–XIII вв., в Польше – в начале XIII в., а расцвет европейской цеховой организации приходится на XIII–XIV вв., то в ВКЛ существование цехов впервые фиксируется в конце XV в. (в Вильне). В белорусских землях в целом и, в частности в Витебске первые цехи фиксируются в XVI веке. До заключения Люблинской унии 1569 цеховая организация в городах ВКЛ находилась на начальной стадии развития. Местным цехам, в сравнении с западноевропейскими, была присуща меньшая замкнутость, а также не такая суровая регламентация в изготовлении и сбыте продукции [4, с. 23].

Включение в систему городских социальных отношений в XVI веке облегчалось для тех лиц, которые владели ремесленными или торговыми специальностями. Даже не имея постоянной «оселости», ремесленники могли войти в «мескую» сословную структуру через